

Евгений Зеленцов (Гутьеррос)
1968 - 1985

«Я – повторенье мысли Боттичелли»

МИСТЕРИЯ

Как вы непрочны, руки на плечах,
Как сложенные крылья.
Мы не успели вовремя начать –
И двери затворили.
А мы остались под большим дождем
У затворенной двери,
И оставалось восемнадцать дён
До полного неверья.
Мы опоздали на короткий миг –
Всего на два столетья,
Чтобы услышать этой двери скрип
В крутое лихолетье.
И возвратиться мы должны на круг,
С которого хотели
Свернуть, сбежать... Но оказались вдруг
У затворенной двери -
В безвременье. Ты веришь мне, что мы –
Мы вырвемся из круга?
Среди людской горячей кутерьмы
Найдем друг друга?
Пускай нас на кругу кружит и рвет
Толпа мерзавцев,
Но снова ринутся тела в полет –
Не удержать нас.
И мы опять начнем наш краткий путь
Длиной в полнеба,
Сорвемся в мир, чтобы сполна хлебнуть
Дождя и снега.
И мы – успеем – всё.

И эта дверь

Закроется – *за* нами.
И будет – День.
И Дом.
И Пламя.
Но мы разучимся летать ночами...

1985

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Памяти Лары Коротковой

Правильные мальчики-девочки,
умные, добрые, светлые,
что же вы такое с ней сделали,
за что её – такую – вы предали?

Страдала, кидалась в крайности,
счастья не ждала на блюдице.
В общем, жила неправильно,
но верила, что не осудите.

Любви не хотела обыденной,
хотела – горькой, отчаянной,
а если кого обидела,
так не со зла, случайно.

Правильные мальчики-девочки,
умные, добрые, светлые,
что же вы такое с ней сделали,
за что её – такую – вы предали?

Бежала, не глядя под ноги –
на ровном месте споткнулась.
Любила, себя не помнила –
бедой любовь обернулась.

Вы же, воспитаны правильно,
беды не заметили вовремя,
корили её за несправедность,
судили-рядили любовь её...

Правильные мальчики-девочки,
умные, добрые, светлые,
что же вы такое с ней сделали,
за что её – такую – вы предали?

Когда пришла к вам с повинною,
вы все обиды ей вспомнили.
И только тогда опомнились,
как стала лесной травинкою...

Что ей теперь ваши слова,
умные, светлые, добрые?
Шла-то она – в храм Покрова,
пришла-то – на место Лобное.

Правильные мальчики-девочки,
умные, добрые, светлые,
что же вы такое с ней сделали,
за что её – такую – вы предали?
1983

* * *

Они никого не обидели,
А просто – спешат по делам.
Ведь это не грех – не увидели,
Как осень чиста и светла.

Ведь это не грех – плохо помнятся
Любимых былых имена,
Не грех, что идут, глядя под ноги,
В конце-то концов – не война!

Не грех, что на старых пожарищах
Не строят, как прежде, домов.
Что, школьного встретив товарища,
Кричат на ходу: - Будь здоров!

Не грех – впопыхах не заметили
Чужой незнакомой судьбы...

Опять пулевые отметины
Уродуют детские лбы.
1983

ОЧЕНЬ ВЕСЕЛАЯ ЧАСТУШКА В СТИЛЕ «А-ЛЯ РЮС»

Под окном аккордеон
Стонет-надрывается.
По двору монетные звон
Плещет-рассыпается.
Эй, невеста! – каблучок,
Гляди, обломается!
...А в Афгане паренек
Писем дожидается.

1983

НАЧАЛО БАЛЕТА

Мы прозрачной Москвою
Бродим в поисках лета.

Вот – начало балета...

Этот сквер позабытый
Весь завален листвою.
Сумасшедший художник
Видно, выдумал эту
Какофонию света.

Вот – начало балета...

А деревья – пюпитры.
А оркестр настроен.
Как все это похоже
На другие сюжеты!

Вот – начало балета...

- Женька, ты что, заснул?! Какого черта не дают занавес?
- Па-де-де из балета «Ромео и Джульетта» исполняют...

...Мы прозрачной Москвою
Бродим в поисках лета.
Вот начало балета.
Вот – начало балета...

1983

ПЕРВАЯ ПОЗИЦИЯ

Снова ничего не получается.
Пятый час я мучаю станок.
Время поджигает, ночь кончается,
пол плывет тихонько из-под ног.

Помнишь, друг, когда-то пацанятами
шли на самый первый свой урок?
Первая позиция проклятая,
пол плывет тихонько из-под ног.

Первая позиция проклятая,
слезы восьмилетней детворы...
Мы уже не смеем на попятную,
нам теперь не выйти из игры.

Изменялись наши отражения
в чистых зеркалах до потолка.
Все мы точно знаем, что мы – гении,
но не оцененные пока.

Гениальность – вещь парадоксальная.
Помнишь, нас постарше лет на пять
прима-балерина гениальная?
Нашим так вовек не станцевать.

Все мы верим: мы незаменимы,
и без нас балет сойдет на нет.
А у нашей примы-балерины
пятый год один кордебалет.

Снова ни черта не получается,
пятый час я мучаю станок.
Время поджигает, ночь кончается,
пол плывет тихонько из-под ног.

...Влажный пол. Начало репетиции.
Все в порядке, друг. И – не пищать!
Рядом, в зале, в первую позицию
восьмилеток заставляют встать.
1984 г., начало. Больница.

ОДНА ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА...

*В те времена укромные,
Теперь почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.
В. Высоцкий*

Остолбневшие в проемах окон,
смотрели женщины голубооко
на сыновей,
 которых уводили,
и на мужей,
 которых уводили,
и на отцов,
 которых уводили,
и плечи кутали в платки устало,
и лишь шаги на лестнице считали...
Нет, это не шаги – а просто дождь.
И тишина в разгромленной квартире,
и два понятия – истина и ложь –
совмещены в одно. Чужие лица
и «Радуница» вбита в половицу...

Не памятью мне помнить, как ночами
звонки врываются в комнаты, внезапны.
По людям – залпы.
По искусству – залпы.
По вере – залпы.
По надежде – залпы.
Не памятью мне помнить, как молчали
у окон женщины, дрожа плечами...

Иных уж нет – свидетелей тех
а те –
 не любят слов
 о временах былинных.

И по шоссе проносятся машины
с портретом Сталина на ветровом стекле...
1984 г., начало. Больница.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

I

(набросок углем)

Осень – и вечер. Внезапная тишина.
(Проза – меняют кассету.)
И, отдалившись на долю мгновенья от нас,
Молча застыли в проеме окна
Два силуэта,
Словно сойдя со старинного полотна.

II

(акварель)

Изломанная линия бульвара
И дом, почти по крышу в землю вросший,
И листья прелые под первым слоем снега,
Который тает на асфальте мокром,
Но остается – на осенних листьях.

III

(пастель)

От губ взлетают отрешенно
И тают в воздухе слова.
По рельсам, обогнув бульвар,
Ползет трамвай, позванивая сонно.
И на газонах
Седа от инея трава.

1984

* * *

*Пушкин стоит спиной к «России» и лицом к «Армении»...
Московская шутка*

Когда закроют метро,
когда острее станет запах лип
на черных бульварах, еще не стряхнувших
с листьев прошедший дождь;
когда оранжевые фонари
заставят асфальт загореться
бездымным золотым огнем, -
на пересечении Остоженки, Пречистенки и Волхонки
родится в лунном луче
тень Храма Христа Спасителя,
где нас обвенчают...

А через три бульвара,
в устье Тверского,
вновь возникнут старинные домики
на месте нелепого сквера.
Истинный памятник Пушкину,
созданный июньским ночным воздухом,
встанет напротив своего бронзового двойника.
И сиреневые головки Страстного монастыря
поглотят стеклянно-бетонную громаду
кинотеатра «Россия».

Живые артерии Арбатских переулков
перережут мертвое тело Калининского проспекта.
На Садовом кольце Сухарева башня
встанет на свое законное место,
не мешая транспорту (потому что – ночь).
И все снесенные Замоскворецкие церкви
встретят нас малиновым перезвоном,
когда мы вернемся к себе на Ордынку
после того, как нас обвенчают
на пересечении Остоженки, Пречистенки и Волхонки.

P.S.

Прости мне, город мой,
что я поздно родился и рано уйду.
Простите мне, друзья мои,
что я поздно родился и рано уйду.
Прости мне, горькая моя женщина,
что я поздно родился и рано уйду.
На пересечении Остоженки, Пречистенки и Волхонки
рождается в лунном луче
тень Храма Христа Спасителя.

1985, июнь

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ИЮЛЯ*

Памяти Владимира Высоцкого

Смерть, по старинной пословице, лишь на миру красна, на миру.
Смерть, приходящая ночью, страшнее предательской пули.
Двадцать восьмого июля,
двадцать восьмого июля
службу служили в церквах по Владимиру.

Выпьем,
 стаканами не стуча,
за Владимир Семеныча,
за Сергей Александрыча,
за других, кто не дожил.
Дети двадцатого века,
 поэтами небогатого,
что ж вы своих поэтов
 до времени – на Ваганьково?
Что же вы?
 Что же вы?
 Что же...

Помнишь? – Владимиров день, Таганскую площадь, толпу, жару...
Черный квадратик в «Вечерке», затерянный в списке рекордов.
Плыл голос, такой знакомый,
плыл голос с магнитофонов,
тризну справляла Москва по Владимиру.

(Прпев)

Сколько, поэты российские, сгинуло вас в ночи в свет свечи?
Вместо лавровых венцов принимали вы петли и пули...
Двадцать восьмого июля,
двадцать восьмого июля
мы посидим, всех вас вспомним, выпьем и помолчим.

Выпьем,
 стаканами не стуча,
за Владимир Семеныча,
за Сергей Александрыча,
за других, кто не дожил.
Дети двадцатого века,
 поэтами небогатого,
что ж вы своих поэтов
 до времени – на Ваганьково?
Что же вы?
 Что же вы?
 Что же...

1984-85

* Стихотворение восстановлено по магнитофонной записи, одна строфа утеряна. 28 июля по православному календарю – день св. Владимира. 28 июля 1980 года Москва хоронила Высоцкого.

В ЧЕРТИ-ГДЕ

Друзьям

Мы уходим втихомолку,
мы уходим втихаря,
Нашим близким и далеким
ничего не говоря.
Мы уходим потихоньку,
мы закроем молча дверь.
Кто заметит, что ушли мы?
Да никто – пойдй проверь!

Мы ворвемся на Савелий,
в Черти-Где возьмем билет.
Будем петь в плацкарте песню,
а точней, один куплей:
Восемь строчек, состоящих
из надежд и из потерь.
Может, кто название вспомнит?
Да никто – пойдй проверь!

На закате, на закате
мы приедем в Черти-Где
И пойдём, куда, не знаем,
говоря о ерунде.
Никого мы здесь не встретим,
это не Москва, поверь.
Кто увидит, что мы счастливы?
Никто – пойдй проверь!

Мы вернемся потихоньку,
мы вернемся втихаря,
Нашим близким и далеким
ничего не говоря.
Мы вернемся потихоньку,
мы откроем молча дверь.
Кто заметит, что вернулись мы?
Никто – пойдй проверь...

1985, начало.

ЮРМАЛА, или СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКСПРОМТ

Сестру моего друга зовут колокольню:
Снеголе.
Каждое утро она меня встречает
случайно.
Спрашивает: - Хочешь, спустимся к морю? –
Снеголе.
Серые глазищи, озорная челка –
Хороша до черта!
Друг усмехается: «Ну дает девчонка!»

Ах, как ты рискованна, маленькая школьница,
Снеголе...
Друг мой занимается твоим воспитаньем –
безрезультатно.
Ты его не слышишь. Ты бросаешь смело:
- Что тебе за дело!
И акцент твой странный похож на шум прибоя,
Снеголе.
Друг интересуется: - Как это по-русски? «Луковое горе»?

Штормы, межсезонье, в Юрмале затишье.
Капли – по крышам.
Ты меня снова ловишь в коридоре...
- К морю так к морю.
Серые глазищи... Знаю, что больно,
Снеголе.
Скоро все пройдет, маленькая школьница,
Скоро все закончится.
Друг мой – оптимист: - Ладно, успокоится!

Куплены билеты. Не провожайте.
Уезжаю.
Мне не спится долгой дорогой ночью,
хоть и невиновен.
Завтра будет утро. И через пространство
я скажу: - Здравствуй!
И положит руки на плечи устало
Женщина по имени Наталья...

1985

**ПЕРВЫЙ
РОМАНС
ДЛЯ НАТАШИ**

* * *

Любовь моя, горечь полынная,
Спасибо за то, что живешь.
За окнами – сизый дождь,
Дорога – в небо пустынное.
Любовь моя, горечь полынная,
Спасибо – за то, что живешь.

1985

* * *

(набросок из письма)

Давай поговорим о пустяках,
И снова станем мудрыми, как дети,
Задав вопрос, напутаем в ответе
Так, что потом не выправят никак
Все взрослые Земли ответы эти,
И над загадкой разобьются в прах.
...А мы, забыв об этом впопыхах,
Опять с тобою кружим по планете,
Кого-то оставляя в дураках.
И снова говорим о пустяках.

1985, октябрь

БОЛЬНИЧНЫЕ МЫСЛИ

(акrostих)

На лестнице мерещатся шаги.
А может, это снова сон мой вечный:
Тыходишь в дом и зажигаешь свечи,
А за окном трубач играет гимн,
Листает ветер книгу на окне.
И ты – во сне...
Я веки разорву. Мне станет легче.

1984, сентябрь. Больница.

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Н.А.

Комната. Кресло. Клетчатый плед,
Кот на коленях.
В черном вазоне – хрупкий букет
Листьев осенних.

Полунеслышен, плывет от реки
Звон колокольный.
Руки легли, горделиво-легки,
На подлокотник.

Прыгают тени. Капает воск
С бронзы зеленой.
Мраморно-светел, просвечен насквозь
Лик твой склоненный

(Ты – далека, далека, далека,
Ты – быстротечна,
Как листопад, листопад, листопад
В Замоскворечье.

Ты ускользнешь – в тишину, в полутьму,
Ты по ступеням
Молча сбежишь – и растаешь в дыму
Ночи осенней...)

Не удержать? Не успеть? Не догнать?
Дунуть на свечи
И – целовать, целовать, целовать
Грешные плечи...

1985, сентябрь-октябрь

ПЕРВЫЙ РОМАНС ДЛЯ НАТАШИ

Н.А.

Туманная река Ордынка
Течет к Кремлю.
Вечерние костры – бездымны.
Я Вас люблю.
 Вы принимаете решение.
 Не тороплю.
 Без просьб, без слов, без разрешенья
 Я Вас люблю.
Вечерние костры в тумане –
Пятно огня.
Маяк в дворовом океане –
Не для меня.
 Ведь во дворе, куда пришли мы,
 Нет маяка.
 Так быстро умирают листья –
 И на века.
Так быстро листья умирают,
С ветвей – в огонь.
И вместе с ними отгорает
Прошедший год.
 Вечерние костры бездымны.
 Я Вас люблю.
 Туманная река Ордынка
 Течет к Кремлю.

1984, октябрь

САПОГИ ВСМЯТКУ

Дождь уходит. Остаются
Только скрипка и труба.
Что есть вечность? Краткость блюза?
Капля крови на губах?
Неотгаданность вселенной
и неповторимость жеста?
Что есть вечность? Совершенство
твоего несовершенства...

1984, декабрь

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ МОТИВ

В Замоскворечье
в узком проулке за церковью – домик-скворешня,
переполненный лицами, мыслями, сплетнями, снами...
Здесь живем мы вдвоем, любя обреченной и грешно.
С нами –

наш неуют и усталость от долгих ночных разговоров,
от добрых и вздорных
людей, приходящих к нам в гости – внезапно, неожиданно.
Впрочем,
мы любим, когда к нам врываются ночью,
как это ни странно.
Ведь правда?
Но сегодня, друзья, подарите нам восемь часов одиночества.

...Никто не придет.
Остановится время,
и стрелки бесцельно запрыгают на циферблате.
С плеч к ногам упадет
твое белое платье...

А свечи конечны,
как жизнь человечья.
В проулке за церковью – домик-скворешня
в Замоскворечье.

1985

ПЕСЕНКА
(из «Стихов о моей смерти»)

А может быть, остаться суждено
Мне в этом доме, где на подоконнике
Цветут несмело желтые бегонии,
Портретом или ветром за окном,
Быть может, мне остаться суждено?

А может, мне исчезнуть надлежит?
Ведь так легко наброски карандашные
Смахнуть с листа, признав их неудачными,
Вздыхнув слегка, начать иную жизнь,
Откуда мне исчезнуть надлежит.

А может, где-то в памяти, на дне,
Как старый челн, забытый в черной заводи,
Качнется вдруг шекспировская заповедь:
«Прости, прощай и помни обо мне» –
Качнется где-то в памяти, на дне...

А может, мне остаться суждено...
А может, мне исчезнуть надлежит...
А может, где-то в памяти, на дне...
1984 (?)

К ЖЕНЩИНЕ

Будет дождь за окном.
Будет стук электрички ночной.
Ты – со мной.
И у нас за спиной –
Город, проклятый мной.
Будет мокрый перрон и скрипучий нетопленный дом.
Будет дождь за окном.

Будет дождь за окном.
И отчаянно-чистая ты.
И в глазах режет от хрустальной твоей наготы.
Твой задавленный стон
Я поймаю закушенный ртом.
Будет дождь за окном.

Будет дождь.
Вот и все.
Слышишь? – капли по стеклам стучат.
Чиркнет спичка, и рядом с кроватью зажжется свеча.
Беззащитные женские руки – над зыбким огнем...
Будет дождь за окном.

Будет дождь.
Я ладони твои отведу от огня.
О мой ангел-хранитель, ты снова спасаешь меня.
Будет дождь за окном.
Золотое лицо над свечой.
О мой ангел земной...

Будет дождь за окном.
Будет утренний стылый вокзал.
Равнодушие толп.
Безнадежное: «Не исчезай!»
Но в проеме дверном
Чуть удержишься ты, уходя.
Будет дождь за окном.
О мой ангел земной,
Подожди окончанья дождя!

1985

РОМАНС-ВАРИАЦИЯ НА ЧЕТЫРЕ ТЕМЫ

Лице

Мы с тобою обвенчаны,
Гордая моя женщина,
Белым снегом рождественским,
И словами, и жестами
Мы с тобою обвенчаны.

Гордая моя женщина,
Ты на жизнь мне дарована.
Кареглазая, строгая,
Дорогая, далека,
Гордая моя женщина.

Белым снегом рождественским
Запорошена улица.
И метели всё нет конца,
Не видать твоего лица
В белом снеге рождественском.

И словами, и жестами
Столько сказано доброго,
Столько сказано нежного
Этой полночью снежною
И словами, и жестами.

Мы с тобою обвенчаны,
Гордая моя женщина.
Белым снегом рождественским,
И словами, и жестами
Мы с тобою обвенчаны.

1985

* * *

(из «Стихов о моей смерти»)

Простите мне сумбурность слога...

Низводится до пустяка
различье меж судьбой и роком,
но не разгадан мной пока
абрис лица у синих стекол,
а сущность Вашего упрека
от истины недалеко.

Узнать бы мне наверняка,
каков тот срок, который строго
отмерила Его рука.
(Есть, впрочем, элемент порока
в желанье этом). Коротка
моя дорога, и к истоку
не возвращенья. Так закат
нельзя поворотить к востоку.
Мы все подчинены векам.

Но Ваша детская рука
ложится на плечо... Что проку
роптать – не кончена строка,
роптать – не пройдена дорога?!
Пусть мне остались дни до срока,
пусть сведено до пустяка
различье меж судьбой и роком,
но – Ваши пальцы у виска,
но – не разгадан мной пока
Ваш легкий лик у синих стекол...
Так что же дальше?

Простите мне сумбурность слога...

1985

РОМАНС О ДЕВОЧКЕ И ЖЕНЩИНЕ

Приходит девочка в мой дом с толпой друзей веселых, шумных,
Приходит девочка в мой дом, чиста, как ветер, как вода.
Она наивна и светла, она из неблагоприятных –
Из тех, кто верит всем словам, а коль обманут, не беда.

Она смеется – так взхлеб, она грустит, но лишь намеком,
Она уходит невсерьез, обиды долго не тая.
На лестнице ее шаги, и вот она уже далёко,
Она наивна и светла, она моя и не моя.

Приходит вечер на порог, неслышно отворятся двери,
И в дом мой женщина войдет, устало глядя из-под век.
Она умна, как сто чертей, она не очень-то мне верит,
Не знает, любит или нет. И как – на ночь или на век.

Она глядит мимо меня с своей извечною усмешкой,
Она подставит горький рот, она обнимет, торопясь.
И я люблю ее такой. Она грешна – да все мы грешны.
Не знает, любит или нет, и как – на жизнь или на час.

Они похожи меж собой, как это ни парадоксально –
Ведь сколько во второй греха, и сколько в первой чистоты.
Наташей девочку зовут, а женщину зовут Натальей,
И обе вместе – это ты, моя единственная ты.

1985, сентябрь

* * *

(из «Стихов о моей смерти»)

Н.Е.А.

Лия,
я видел этот листопад.
Ордынка была завалена листьями.
Она полыхала всеми оттенками желтого.
А сверху на нее навалилось
огромное черное небо,
с которого падали, падали,
новые, новые листья –
а взамен им
факелом уходила в небо
Церковь Всех Скорбящих Радости.

А ты – девочка, журавлёныш –
шла по листьям босиком
в белом оренбургском платке.
(И больше ничего,
только белый платок,
закрывающий тебя до колен).
Тебе, наверное, не было холодно,
потому что снизу пылали листья,
а сверху – рыжие фонари.

От церкви ты повернула налево.
Ветер захлопнут за тобой
дверь подъезда.
Снова закрыл её.
И снова захлопнул.
И снова...
А я знал, что сейчас ты опять
выйдешь на улицу.
Потому что ты ищешь меня.
А меня – нет.
Совсем.
Есть только листопад,
Лия...

(запись в дневнике 5 октября 1985 г., Юрмала)

* * *

(из «Стихов о моей смерти»)

Уходящего лета последний свет.
Как молитву, твержу: «Dum spiro, spero».
Только смерти, верно,
до всех на свете латинских перлов
дела нет.

Приходящей осени первый дождь.
Пока дышу – надежда со мною.
Но за спиною
улыбается смерть, ей плевать, что за белой стеною
ты – ждешь.

(Приходящей осени первый дождь.
Ты ждешь.
Уходящего лет последний свет.
Меня нет.)

1985, 8 или 9 октября. Больница.

ПРОЩАНИЕ

(из «Стихов о моей смерти»)

Для тебя, журавлик - последнее

Пустой бульвар, театр, пруд
И нашего пути бесцельность.
А музыка жила – отдельно
От холода органных труб.

Так, не спросив у нас билет,
Давала осень нам концерт свой...
Рвались в ночное небо церкви.
Как просто верится в бессмертье
В шестнадцать лет!

А у меня ломил висок
От этой музыки бездонной,
И жизни не сдержат в ладонях,
Ушла – водой в песок.

И вечность – через шесть часов.

10 октября 1985 г. Больница. Утро.

КА

История

Стажаны больше юны

Дольной романа

И может быть

в Самокровеши

в Черти - ~~де~~

Горю

Чт/ю

Романе - вариация

«Прочтите мне...»

18 апреля

Снова возвращаюсь в дом ~~моей~~ ^{жизни} ~~жизни~~
мелкий. За окном ~~играют~~
птицы - слышно утробу за окном. И вот,
как и прежде в Фирма, инстинкт и
испытания... Кажется жить, как лисичка
в воду, ~~но~~ ~~бывает~~ ~~статус~~ но не

ОСКОЛКИ

Стихи, найденные в бумагах спустя несколько лет после смерти Жени
или записанные по памяти его друзьями.

14 июня

Видно в душе - Рикко нем Лессонница.

Что же ты за страна, в которой никому не дано
нам дела, в которой, присядывая, создавать свои
замыслы и так, чтобы жить иногда ~~видеть~~ ~~видеть~~
ми ~~стада?~~

Черный с белым - не белый,

с ~~да~~ и ~~с~~ ~~не~~ ~~не~~ ~~от~~ ~~от~~ ~~от~~

как в ~~де~~ ~~де~~ ~~де~~ ~~де~~ ~~де~~ ~~де~~

Уж а ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

«Кто ~~по~~ ~~по~~ ~~по~~ ~~по~~ ~~по~~ ~~по~~ на ~~да~~?»

* * *

(из «Стихов о моей смерти»)

В ладони Вы мне вложите свечу
И лоб украсите строкой славянской.
Вам странно будет то, что я молчу,
Вам странен будет профиль мой испанский
Здесь, в православной церкви – как во сне,
Где Вы, такая русская, родная,
Стоите, до конца не понимая,
Что в жизни Вы назначены не мне...
1985

* * *

(незаконченный набросок)

Черный с белым не бери,
«Да» и «нет» не говори,
Как в девчоночьей игре
«Вы поедете на бал?»
Ну а лучше помолчи,
Потому что стукачи
Самый-самый тихий шепот
Различают по губам.
1984 (?)

* * *

Приходили друзья в мой дом,
приходили.
Разговоры все не о том
заводили.
И смеялись так невпопад
и не к месту!
Я впервые им был не рад,
если честно.

Пробирались враги в мой дом
осторожно.
Не с ножом и не с топором –
с чашкой, с ложкой.
Меж друзьями садятся в круг,
просят чаю,
И с трудом я, где враг, где друг,
различаю.

Ну а третьи обходят дом
стороною.
Кто такие мы, как живем, -
все равно им.
Дела нет им до наших бед
и напастей...
Эти третьи всех остальных
безопасней.
1985 (?)

**ХУЛИГАНСКАЯ ЗАРИСОВКА, НАПИСАННАЯ НАКАНУНЕ
НОВОГО 1982 ГОДА**

На улице – слякоть, лужи и хмарь.
А между прочим, скоро январь,
Через неделю ЧП – Новый год.
Завтра тяжелый день.

Вот.

Стихи мои, понял я, все – мура.
С ними давно кончать пора.
Разве это стихи?
Рифмоплетство, бурда.
Завтра тяжелый день.

Да.

Стоп. Сочувствия я не прошу.
Так какого же черта все это пишу?
Вы мне можете дать ответ?
Насколько я понимаю, нет?

А все просто – завтра тяжелый день.
(«День» рифмуется с «дребедень»),
У меня опять не хватает сил,
А сегодня – о господи! – дождь моросил,
Захотелось писать черт-те что, черт-те как...

Кто прочел, тот дурак!

Запись в дневнике 18 апреля 1985 года.

Снова возвращаюсь в дом после черных репетиций. За окном горланят птицы – стынет утро за окном. Ночь, как шлюха с Уголка, ненасытна и бесплодна... Канет жизнь, как камень в воду, но не нынче. А пока мне придется доказать, что способен я не что-то большее, чем красной рвотой пол танцкласса заблевать. И придется вам признать – смерть моя вам показалась... К черту – жалость, жалость, жалость, так-разэтак-вашу мать!

Но к неверному огню ты протягиваешь руки – пальцы ломки, локти хрупки... Две недели не звоню! Лия, милая, прости – я бравирую, как мальчик. Так банально я сломался, силы больше нет (почти). А осталась – лишь на то, чтобы доказывать кому-то, что и завтра будет – утро... Да зачем? и что потом? Никому и дела нет, сколько мне еще осталось. Вся их жалость, жалость, жалость – лишь самовлюбленный бред! Лия, милая пойми... Впрочем, все ты понимаешь – ты теряешься и таешь между днями и людьми; ты не требуешь любви, и прощений, и прощаний, объяснений, обещаний, ты не требуешь: «Живи!..»

Только в мире у меня если что-то и осталось – это ты, твоя усталость, твои руки у огня.

Лия, милая... Ну что ж. Ни на что я не способен – только этих вот у...бин никогда ты не прочтешь.

Пока
я
жив.

(к «Иоанну Предтече» Боттичелли)

Мне с удивлением признать придется
Тобой – шутя – подмеченное сходство
С чертами боттичеллева лица...
Я – тень. Я – эхо каменных ущелий.
Я – повторенье мысли Боттичелли.
(А повтореньям в мире нет конца...)
8 октября 1985 г. Больница